

ТРАКТОВКА СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ЧЕСТНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ДЖОНА РОЛЗА

В статье анализируются социально-политические идеи известного англо-американского мыслителя современности Джона Ролза. Основное внимание уделяется социально-политической и этической проблематике идей, изложенных Джоном Ролзом в его фундаментальной работе «Теория справедливости». Указывается, что Джон Ролз противопоставляет свою теорию общепринятым утилитаристским и интуитивистским подходам, отождествляя понятия справедливости и честности. Дается анализ и оценка целому ряду морально-этических регуляторов и понятий (справедливость, честность), а также принципам, применяемым Джоном Ролзом к базисной структуре общества.

Ключевые слова: Джон Ролз, справедливость, честность, социально-политическая философия Дж. Ролза, теория справедливости, принципы справедливости.

Джон Ролз (Rawls) (21.02.1921, Балтимор, штат Мэриленд, США – 24.11.2002, Лексингтон, штат Массачусетс) – современный англо-американский философ. Научные исследования и работы Джона Ролза были направлены на анализ проблем, связанных с политической философией, моралью и этикой. Работа Джона Ролза «Теория справедливости» (Theory of Justice, 1971) является крупным исследованием в области политической философии XX столетия. Джон Ролз сделал предположение, что утилитаризм направлен лишь на максимизацию всеобщего счастья и совершенно неверно трактует либеральные ценности и основные принципы демократии (свободу, право выбора, частную собственность). Обращаясь к теории общественного договора, философ представил справедливость как результат гипотетического соглашения между свободными людьми, опирающимися на принцип равноправия.

Следует отметить, что исследования, изложенные философом в «Теории справедливости», во многом определяют все принципы, применяемые к базисной структуре общества.

Ролз предполагает, что понятия справедливость и честность совпадают и нет особой причины выявлять их различия или констатировать, что одно из них является более фундаментальным, чем другое.

В статье «Справедливость как честность» (1958) Джон Ролз выдвигает тезис, что центральная идея, которая выражается в понятии справедливости, это идея честности. Этот тезис Джон противопоставляет общепринятым на тот момент представлениям классического утилитаризма.

Осуществляя анализ выдвинутого утверждения, Джон Ролз приводит доводы в пользу того, что «... утилитаризм, в своей классической форме, не способен объяснить именно этот аспект справедливости, который, однако, выражен, даже если и не совсем верно, в идее общественного договора.» [1, 47-72]

Сама справедливость трактуется Джоном Ролзом как регулятор социальных отношений, но во многом регламентированный этическими основаниями [3].

Джон Ролз считает изложение своих идей относительно справедливости как честности «неформальными», а свою основную цель в этом видит как подготовку к более детальной аргументации общественных принципов. В понимании философа справедливость возводит на более высокий уровень абстракции традиционную концепцию общественного договора, а также сопоставляет свою теорию с классическим утилитаризмом и интуитивизмом.

В понимании Ролза «справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же, как истина – первая добродетель системы мысли». Отводя справедливости важную роль в спецификации основных прав и обязанностей и в определении приемлемого распределения долей, Ролз не рассматривает справедливость институтов и социальных практик вообще, однако выделяет, что в базисной структуре любого общества должны в первую очередь применяться принципы социальной справедливости [11, 83-84].

Действительно, между индивидами с их различными жизненными целями единая концепция справедливости устанавливает «узы

гражданского содружества»¹; общее устремление к справедливости ограничивает преследование других целей. С его точки зрения, можно полагать общественную концепцию справедливости фундаментальной особенностью вполне упорядоченного человеческого общества [3].

Следуя за Джоном Ролзом, мы должны оговориться, что не преследуем определенной цели утверждать, что все существующие общества вполне упорядочены в этом смысле, потому что убедительного обоснования этому просто нет. Как нет оснований утверждать и то, что справедливо и что несправедливо. Люди не могут прийти к единому знаменателю в том, какие именно принципы могут в достаточной степени определять основные условия соглашения в обществе между ними.

Но, несмотря на эти расхождения, по мнению Джона Ролза, «мы все же можем сказать, что каждый из них имеет концепцию справедливости. Для нас главный субъект справедливости – базисная структура общества, или, более точно, способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и определяют разделение преимуществ социальной кооперации. Однако многие вещи могут полагаться справедливыми и несправедливыми; не только законы, институты и социальные системы, но и самые различные конкретные действия, включая решения, суждения и обвинения. Мы также называем справедливыми и несправедливыми расположения и нерасположения людей, да и самих людей» [12, 22].

Следует учесть, что основным предметом в определении справедливости как честности остается социальная справедливость. В рамках одной образной схемы основные институты способны определять обязанности и права членов общества и влиять на их жизненные планы и перспективы. Вводимый Джоном Ролзом первичный субъект справедливости трактуется им как базисная структура [12, 25], поскольку ее воздействие весьма глубоко и присутствует с самого начала. Эта структура содержит различные социальные положения, и индивиды, занимающие различные социальные положения от рождения, определенно точно имеют различные ожидания, которые могут и определяются не только, как это могло бы показаться на первый взгляд, полити-

ческой системой, но и экономическими и социальными обстоятельствами. Обо всем этом говорит и сам Джон Ролз, считая, что все это может быть выведено из интуиции.

Институты общества в этом отношении с самого начала ставят одни социальные положения выше других. Поэтому принципы социальной справедливости в первую очередь должны применяться к именно такого рода неравенствам, которые по предположению являются неизбежными в базисной структуре абсолютно любого общества.

Достаточно часто в своих работах Джон Ролз акцентирует внимание на том, что справедливость как честность начинается еще с самого общего выбора, который члены общества способны осуществить вместе, а именно с выбора тех первых принципов концепции справедливости, которые, по его мнению, призваны регулировать критику и реформирование всех без исключения институтов.

После выбора и признания концепции справедливости люди должны перейти на более высокую стадию общественного состояния, а это повлечет за собой моментальное изменение общественного устройства. Регуляторы, существующие на первичных стадиях общественного развития, становятся в некоей степени неэффективными либо вовсе перестают представлять для общества какую-либо ценность. Следуя именно этой логике, Джон Ролз предлагает выбрать конституцию и законодательную власть для проведения в жизнь законов в соответствии с принципами справедливости, которые члены общества принимают, еще находясь на начальном этапе договорных отношений. Можно предположить, что исходное положение все же определяет множество принципов (т. е. что могла бы быть выбрана конкретная концепция справедливости), тогда было бы истинным, что всякий раз, когда социальные институты удовлетворяют этим принципам, люди, находящиеся в рамках этих институтов, могут единоголосно заключить для себя каждый, что они осуществляют свою деятельность на тех принципах и условиях, на которые бы они согласились, если бы признали друг за другом свободу и равенства. Это влечет за собой наличие справедливых и взаимовыгодных отношений. А это в свою очередь дало бы им право рассматривать все свои соглашения как отвечающие ус-

ловиям, которые они признали бы в исходном состоянии, включающем общепринятые и разумные ограничения на выбор принципов. Согласно позиции Джона Ролза, именно осознание этого факта в общем и целом смогло бы обеспечить основания для открытого принятия соответствующих принципов справедливости как честности.

Ни одно общество не может быть «схемой сотрудничества», в которую ее члены входят добровольно в буквальном смысле. Каждый индивид при рождении обнаруживает себя в определенном месте в некотором конкретном обществе, и природа этого положения оказывает значительное влияние на его жизненные перспективы. Однако же общество, удовлетворяющее принципам справедливости как честности, приближается к идеалу общества, основанного на добровольной схеме сотрудничества настолько, насколько это вообще возможно, потому что оно основано на принципах, которые свободные и равные личности должны принять при определенных справедливых обстоятельствах. Члены общества в этом смысле автономны, а осознаваемые ими обязательства принимаются добровольно. Ролз описывает это следующими словами: «...Одна из особенностей справедливости как честности – в том, что стороны мыслятся в исходной ситуации как рациональные и незаинтересованные друг в друге. Это не означает, что стороны эгоистичны, т-е. имеют лишь некоторые отдельные интересы, скажем, престиж, богатство и господство. Но они рассматриваются как незаинтересованные в интересах других» [12, 25]. Подробное их исследование мы впервые находим еще у Д. Юма, чьим идеям Ролз уделяет особое внимание. Первым условием применения понятия «справедливость», с точки зрения Юма, является такое состояние общества, которое лежит между двумя крайностями: абсолютным дефицитом благ, когда самое правильное их распределение оставляет большинство без средств для достойной жизни, и абсолютным изобилием, при котором всякое желание может быть удовлетворено без ущемления интересов другого (умеренная нехватка благ). Вторым условием служит тот факт, что способность индивидов к жертвам и уступкам ограничена тенденцией пристрастного отношения к собственным интересам и интересам близких (ограниченная щедрость).

Третье условие связано с неспособностью членов человеческих сообществ гарантировать собственную безопасность, опираясь исключительно на свои собственные силы (приблизительное равенство возможностей и способностей, или взаимная уязвимость). Наконец, четвертое условие определяется необходимостью присутствия других людей в качестве участников кооперативной деятельности по обеспечению материальных средств для жизни и в качестве партнеров по межличностному общению (взаимная зависимость). Все это говорит нам о том, что справедливость у Юма может быть осмотрительной, ревнивой добродетелью [6, 2]. Следует также отметить и тот факт, что в некоторых случаях идея справедливости является неприменимой. В условиях чрезвычайной бедности или, наоборот, богатства идея справедливости кажется либо абсурдной, либо вообще не имеет оснований для возникновения [15, 534-535].

Ролз подмечает, что мы можем спросить, каким должно быть совершенно справедливое общество [12, 120-121]. И пытается сформулировать разумную концепцию справедливости для базисной структуры общества, временно рассматриваемой в качестве замкнутой системы, изолированной от других обществ. Таким образом, он начинает рассматривать то, что называет теорией строгого согласия, в противоположность теории частичного согласия, включающей в себя принципы, говорящие нам, как мы должны обращаться с несправедливостью.

Ролз утверждает, что справедливость как честность, будучи в большей степени договорным взглядом, предполагает, что принципы выбора сами являются объектом исходного соглашения в контрасте утилитаристских представлений распространения на общество принципа выбора для одного человека. Для полной ясности следует заметить: никто еще не показал, что стороны в исходном положении не выберут принцип полезности для определения условий социальной кооперации. Вполне возможно предположить, что договорная теория ведет неизбежно к более глубокому и окольному утилитаризму, но на самом деле, как заключает Ролз, вывод подобного рода можно найти и у Бентама и Эджворта (хотя они не развивали эту точку зрения). Следуя этим рассуждениям, Ролз заключает, что в исходном положении

люди отвергают принцип полезности, уступая место принципам справедливости. «Невозможно прийти к принципу социального выбора простым распространением принципа рационального благоразумия на систему желаний, сконструированную беспристрастным наблюдателем» [3].

Он делает заключение о том, что эти принципы регулируют выбор политического устройства и основных элементов социальной и экономической системы, а для правил и практик конкретных ассоциаций или менее обширных социальных групп эти принципы могут и не работать. Как говорит сам Ролз, «они могут быть несущественными для различных условий и повседневных обычаев; они могут не проливать свет на справедливость, или, лучше, честность добровольных совместных процедур сотрудничества для осуществления договорных соглашений» [12, 23].

Следует отметить, что Джон Ролз находил справедливость как честность – как не полностью договорную теорию. По его мнению, совершенно очевидно, что договорная идея может быть распространена и на выбор более или менее цельной этической системы, т. е. она может включать в себя принципы для всех без исключения добродетелей, не ограничивая ее рамками справедливости. Сделав подобные утверждения, он произвел сужение и продолжил рассмотрение только принципа справедливости и наиболее близких к нему. Ясно, что если справедливость как честность не только в теории, но и практике окажется успешной теорией, тогда это, по его мнению, даст нам возможность начать изучение более общего взгляда на общество, условно определяемого как «правильность как честность». Однако следует остерегаться того, что даже самая широкая теория не охватит всех моральных отношений, так как будет способна включать только межличностные отношения и явно будет оставлять в стороне вопросы, связанные с тем, как мы должны вести себя по отношению ко всем животным и остальной природе. Подобного рода умозаключения позволили Джону Ролзу сделать вывод, что договорная теория все-таки не предлагает решение этих проблем, несмотря на то, что они, конечно же, очень важны. Джон Ролз резюмирует это следующим образом: «Мы должны осознавать ограниченность сферы справедливости как чест-

ности и более общего взгляда, примером которого справедливость как честность является. Нельзя решить заранее, в какой степени эти заключения могут быть изменены после того, как будут поняты другие вопросы» [12, 36].

Вводимый уже в заключительной части теории справедливости Джоном Ролзом принцип честности как самостоятельный утверждает: «человек имеет обязательство выполнять свою роль, определяемую правилами некоторого института, когда он добровольно принял выгоды этой схемы или воспользовался предлагаемыми ею возможностями для продвижения своих интересов, при условии, что этот институт является справедливым или честным, т. е. удовлетворяет нашим двум принципам справедливости [3].

Принцип должен дать нам возможность провести более тонкие различия при объяснении обязанностей и обязательств. Термин «обязательство» будет закреплён, таким образом, за моральными требованиями, проистекающими из принципа честности, в то время как другие требования называются «естественными обязанностями» [12, 303].

Обязательства определенно точно могут быть объяснены естественной обязанностью справедливости, т. к. когда человек пользуется некоторым институциональным установлением, на него в этом случае распространяются правила института и выполняется обязанность справедливости. Однако же будет правильным отличить те институты или их аспекты, которые должны быть неизбежно приложимы к нам, поскольку мы в них рождены и они регулируют всю сферу наших действий, от тех институтов, которые приложимы к нам в силу того, что мы свободно совершили некоторые поступки в качестве эффективного способа реализации целей. Подчиняться, скажем, конституции или основным законам, регулирующим права на собственность (предполагая, что они справедливы), входит в наши естественные обязанности, и в то же время у нас есть обязательство выполнять другие обязанности, налагаемые, по мнению Джона Ролза, должностью, которую личности удалось занять, или обязательство следовать правилам ассоциаций или видов деятельности, в которых мы принимаем участие.

Нет никаких сомнений, что человек постоянно обращается к социальной практике и при-

нимает выгоды, которые она делает возможными как должными. Однако Джон Ролз поднимает весьма важные вопросы, способные прояснить этические моменты понимания. А именно: каковы эти выгоды и как работает эта практика?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, он делает предположение, что обычная причина для дачи каких-либо обещаний кроется в создании и развитии небольших схем кооперации или какой-либо определенной схемы сделки. Определяя собственно роль обещаний, Джон Ролз обращается к истории философии, а именно к тому, как Гоббс описывал роль правителя. «Точно так же как правитель поддерживает и придает устойчивость системе социальной кооперации путем публичного поддержания эффективной системы наказаний, так и люди в отсутствие принуждающих механизмов создают свои частные предприятия и придуют им устойчивость, ручаясь друг другу в верности слову» [12, 305].

Джон Ролз делает вывод, что такие предприятия часто бывает трудно создать и поддерживать. Особенно это видно в тех случаях с договорами, когда один человек должен сделать что-то другому человеку. «Так как индивид может полагать, что другая сторона не выполнит своей роли, схема может так и не реализоваться. Схема подвержена нестабильности иного рода, даже если эта другая сторона и выполнит свое обещание» [12, 306]. Действительно, эта ситуация характеризуется отсутствием каких-либо гарантий для стороны, которая должна начать действовать первой, за исключением только обещаний или тех обязательств, которые предполагают выполнение соглашения позднее. Таким образом, схема действительно может быть сделана надежной, и обе стороны обретают уверенность, что смогут получить выгоды от своего сотрудничества. Ведь практика обещания существует именно для этой цели; и поэтому, хотя мы обычно рассматриваем моральные требования как налагаемые на нас со стороны обязательства, зачастую они принимаются нами преднамеренно и добровольно во имя нашей собственной выгоды, а не кого-либо еще. Джон Ролз резюмирует, что обещание – это акт, совершенный с публичным намерением сознательно взять на себя обязательство, существование которого в данных обстоятельствах будет способствовать реализации наших целей.

Что априори уже предполагает наличие честного взаимного акта, одна из сторон выступая при этом активно и принимая на себя вполне справедливые обязательства. Каждый из нас хочет, чтобы это обязательство существовало, и чтобы о его существовании было известно абсолютно всем, а также, чтобы другие знали, что мы признаем эти узы и намерены их придерживаться все без исключения. Поэтому, прибегая к такой практике, люди принимают на себя обязательство выполнять обещанное в соответствии именно с принципом честности.

В описании Джоном Ролзом того, как обещание (или вступление в соглашения) используется для создания и стабилизации форм кооперации, он по большей части следовал за Причардом [1]. Здесь это обсуждение содержит все существенные моменты. Джон Ролз так же, как и Причард, предположил, что «каждый человек знает или, по крайней мере, разумно полагает, что другой имеет чувство справедливости, а также обычно эффективное желание выполнить свое обязательство» [5, 169-179]. Ведь без трактуемого Джоном Ролзом взаимного доверия ничего нельзя добиться простым произнесением слов, ведь они сами по себе не представляют какой-либо силы. В обществе, где все уже систематизировано и упорядочено, это знание присутствует: когда его члены дают обещания, существует взаимное признание намерений возложить на себя обязательства; есть также общее для всех рациональное убеждение, что выполнение обязательств обязательно.

Стоит учитывать также, что прежде всего, как показывает обсуждение обещаний Джоном Ролзом, договорная доктрина утверждает, что из одного только существования институтов не вытекает никаких моральных обязательств. Правило обещания, как уже выявлено, само по себе не ведет ни к каким моральным обязательствам. А для объяснения обязательств, которые основаны только лишь на доверии или каких-то иных не проясненных причинах, мы обязательно должны принять в качестве посылок принцип честности и связать его трактовку со справедливостью в не проясненных ситуациях. Наряду с множеством других этических и моральных теорий справедливость как честность способна и утверждает, что естественные обязанности и обязательства возникают во многом в силу этических принципов.

Это такие принципы, которые были бы, по мнению Джона Ролза, выбраны в исходном положении. В совокупности с существенными фактами об обстоятельствах, которые есть в наличии, именно эти критерии определяют наши обязательства и обязанности и выделяют то, что может считаться и трактоваться нами как моральные доводы. Джон Ролз дает этому следующее пояснение: «Обоснованный моральный довод – это факт, который один или несколько из этих принципов идентифицируют как поддерживающий суждение. Корректное моральное решение – это такое, которое находится в наибольшем соответствии с требованиями этой системы принципов, когда она применяется ко всем существенным фактам» [12, 308].

Довод, определяемый одним принципом, может быть поддержан, заменен другим или даже отменен, другими словами, сведен на нет, с помощью доводов, идентифицируемых каким-то принципом или принципами. Однако из всей совокупности фактов, в некотором смысле бесконечной, выбирается конечное или обозримое число имеющих отношение к какому-то конкретному случаю таких фактов, так, по мнению Джона Ролза, полная система позволяет людям прийти, с учетом всех обстоятельств, к суждению, которое достоверно определено. Институциональные требования, а также требования, проистекающие из социальных практик вообще, в противоположность вышесказанному могут быть выведены из наличных и надлежащих правил, а также из способа их изложения. Со-

гласимся с утверждением Джона Ролза, что принятие принципа честности является чисто гипотетическим; нам нужен лишь тот факт, что этот принцип был бы признан, и не более того. Как только мы предположим, что справедливая практика обещания существует, независимо от того, как она могла быть установлена, принципа честности достаточно для обязывания тех, кто получает от него выгоду, при наличии уже описанных соответствующих условий. А справедливость будет носить для нас вполне очевидное значение.

Справедливость как честность выявляется Ролзом как деонтологическая теория в сопоставлении с утилитаризмом, понимаемым как теория телеологическая, и интуитивизмом. Однако благо, понимаемое как удовлетворение рационального желания, роднит Ролза с утилитаристами. Есть и еще один момент в этой связи: «в утилитаризме удовлетворение желания имеет некоторую ценность само по себе, и эта ценность должна быть принята во внимание при решении того, что правильно». Принципы правильности, а также справедливости налагают, следуя рассуждениям Ролза, ограничения на то, какого рода удовлетворения имеют ценность; они налагают ограничения на то, что считать разумной концепцией блага. Следуя этой логике, Ролз заключает, что первичность правильности над благом в справедливости как честности оказывается центральной особенностью концепции. «Она устанавливает определенные критерии устройства базисной структуры в целом».

Список использованной литературы:

1. H.A. Prichard. The Obligation to keep a Promise (c. 1940) and Moral Obligation (Oxford, The Clarendon Press, 1949). – P. 169–179.
2. John Rawls. Justice as Fairness // John Rawls, Collected Papers, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts – London, England, 1999, pp. 47–72.
3. John Rawls. The Priority of Right and Ideas of Good // Philosophy and Public Affairs, 1988, Vol. 17, № 4, p. 251-276. Princeton University Press.
4. John Rawls. A Theory of Justice, 1971. 560 P.
5. Kymlicka W. Contemporary Political Philosophy: Introduction. Clarendon Press, 1990, p. 50–94. © by Beverley Slopen Literary Agency. Toronto.
6. А.В. Прокофьев. Социальная справедливость: нормативное содержание и история становления понятия. [Электронный ресурс] Грант РГНФ, 2000-2003. Проект №01-03-81001 а/ц. Режим доступа: <http://ethics.iph.ras.ru/research.html>.
7. А.О.Бороноев, П.И.Смирнов// Социологические исследования. 2003. № 8. С. 3-11.
8. Геллнер Э. Условия свободы. М., 1995. -214 с.
9. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М., 1996. С. 35.
10. Дарендорф. Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. / Пер. с нем. М., 2002. С. 64.
11. Печерская Н.В. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уэлзер // Общественные науки и современность, 2001, № 2. С. 77-88.
12. Ролз Дж. Теория справедливости/ Науч. ред. В.В. Целищев. – Новосибирск: НГУ,1995. – 535 с.
13. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / Пер. с англ. Под ред. М.А. Абрамова. М., 2000. С. 107.
14. Юм Д. Исследование о принципах морали // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. – 696 с.
15. Юм Д. Трактат о человеческой природе, кн. III, ч. 2, гл. 2 // Юм Д. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1996. – 696 с.